

Геннадий Утробин

только напугал. Как-то летом я поехал за дровами на тракторе с тележкой. Вдруг кто-то по борту как брякнет! Звону было! Я вышел, осмотрелся — а место было открытое — кто, думаю, так-то стукнул? Никого нету. Но несчастный случай был после этого... Ай, не буду рассказывать.

И правильно: о встречах с пермяцкими чудами лучше не трендеть. Как-то члены Кудымкарского велоклуба решили встретить день зимнего солнцестояния на Курегкаре — «Птичьим городищем». Приехали, расположились, принялись любоваться ледяным звёздным небом. Вдруг вспомнили, что именно на эту ночь приходится предсказанный календарём маяя конец света. Это обстоятельство несколько добавило мистической жути в настроение. Тут-то одному из велосипедистов и показался чёчком. Мелькнуло в сумерках нечто маловнятное, а чему ж это и быть в таком месте и в такое время, как не «белому человеку»?

Но лучше б велосипедист о встрече с чёчком никому не рассказывал. Это порождение злого бога Куля не просто так — для испугу — показывается, а предупреждает о зловещем событии, которое уже близко подстерегает пермяка на жизненном пути. Причём в мифологии жителей таёжного края отсутствует роковая предопределённость, свойственная, например, древним грекам. Если не рас-

Монастырский парк

сказывать никому, что встретил чёчком, то можно обмануть судьбу, и напасть тебя минует, только мохнатой лапой из бифуркационной точки погрозив... Впрочем, если встретишь не чёчком, а чёчкоморта, то готовься к неизбежному.

Порождения запёкшейся, как кровь, глины, сгнившей рыжей хвои, заросших речной травой заводей никогда не оставляли здешних жителей, даже под крестовой сенью христианства, даже под инверсионными хвостами авиалайнеров, что чертят пермяцкое небо, перелетая над глиняным краем из одного цивилизованного мегаполиса в другой, даже в фокусе параболических антенн, что разносят по деревьям нивелирующее наваждение сотни телевизионных каналов и соблазны интернета.

Село с языческой репутацией

В древнем селе Большая Коча — первое упоминание о нём в писцовых книгах относится к 1579 году — перед революцией было две большие церкви, часовня, да ещё и женский монастырь. Епархиальные власти стремились направить в село, которое издревле считалось оплотом язычества, как можно больше миссионеров. Нельзя сказать, что пермяки не были добрыми христианами и в церковь ходили только для виду. Но в них уживалась и поныне уживается искривленная, порой ис-

тованная православная вера с суевериями, завещанными предками, что жили, поди, с пятого века на окрестных городищах Курегкар, Ошкар и Бьльдэгмыс.

Нет уже в Большой Кочае прежних богатых церквей. Герасимо-Питиримо-Иоанновская, названная в честь первых епископов — просветителей пермяков, нещадно рубивших языческие «прокудливые берёзы», оставила по себе память только храмовыми деревянными скульптурами, что хранятся теперь в Пермской художественной галерее. От монастыря остался парк с вековыми соснами, а сама обитель первой пала жертвой большевистской мести: монашески, говорят, преподнесли Колчаку вышитое золотом знамя. Но кочинцы, восстановив по рассказам стариков давние свои обряды, и при служении своим чудам не забывают перекреститься и воскликнуть: «Аминь!» Сколь бы ни был образован пермяк, в каких бы заграничах ни побывал, негласно соблюдает он завещанные обычаи. Идёшь в лес за грибами или ягодами — скажи вслух: не для продажи беру, а для прокормления семьи! Пусть собираешь дары леса именно на продажу, главное — успокоить вёркуля, пермяцкого лесовика, хранителя тайги. Создатель и хранитель кочинского школьного музея Василий Иванович Гагарин, если найдёт в брошенном доме царских времён монетку, демонстративно объявляет: не для себя беру, для экспозиции.

Действует система старинных строгих табу. Нельзя ловить рыбу в устье реки, на сбросах воды у прудов и мельниц. Иначе вакуль-водяной накажет: перевернёт лодочку, набьёт сети тиной, снимет с крючка шуку, а вместо доброго улова прицепит корягу. Пермяцкий вакуль, впрочем, не такое уж страшное существо. Мужчине вакуль может показаться красивой женщиной, а женщине явиться в облике юноши. Единственный способ определить, не вакуль ли перед тобой, взглядеться ему в глаза: у этого чуда нет зрачков. Жертв не требует, в омут утянуть не норовит.

Другое дело — Мара. Недалеко от Большой Кочи стоит деревня Мараты. К знаменитому линкору или к жертве Шарлотты Кордэ это название не имеет никакого отношения. Мараты означает «озеро богини смерти Мары», и вот эта богиня действительно может утащить человека в воду и утопить его.